

Дневной поход начался ровно в два часа.

Эта гора была известна как Бай Ши Шань, названная так из-за ее белых камней, напоминающих нефрит. Высота была не слишком большой, и подъем на вершину занял три часа. Тропа была выложена каменными ступенями, что делало ее относительно ровной. Деревья украшали пейзаж даже зимой, создавая пышный зеленый фон, делая это место идеальным для зимнего отдыха.

Когда они ступили на каменные ступени, Ли Тан положил в рот конфету и медленно смаковал ее, скорее облизывая, чем кусая.

Ли Цычу, идущий рядом, попросил конфету. Ли Тан достал из рюкзака пакет чипсов и предложил ему вместо них:

— Возьми.

— Конфет больше нет?

— Я все съел.

— Тогда что же у тебя в кармане оттопыривается?

Ли Тан быстро прикрыл карман, защищая свою записку.

— Я не могу тебе это отдать.

Ли Цычу усмехнулся:

— Если ты не дашь, я не буду просить. Я попрошу Чжоу Дунцзе принести мне немного.

У Чжоу Дунцзе были семейные дела, и он присоединится к ним ближе к вечеру. Он еще не начал восхождение.

Ли Тан беспокоился, сможет ли он поспеть за группой.

— Здесь нет канатных дорог. Сможет ли он нас догнать?

Отправив сообщение Чжоу Дунцзе, Ли Цычу сунул телефон обратно в карман.

— Какова высота этой горы? Думаешь, все такие же, как ты, с трудом пробегают километр?

У Ли Тана чуть не случился сердечный приступ.

— Почему ты...?

— Становишься еще более саркастичным? — Ли Цычу, как обычно, был самоуверен. — Возможно, это потому, что я слишком много времени провел рядом с Хо Сичэнем. Если я недостаточно сообразителен, он думает, что я его хвалю.

Почувствовав укол боли, Ли Тан не мог не согласиться.

Тем не менее, видеть, как они снова ладят, было для него радостью. Ли Тан уже успел деликатно подтвердить их отношения с Су Циньхань. Хо Сичэнь больше не ухаживал за ней; их встреча у входа в музыкальный класс была случайной. Хо Сичэнь не любил спорт и прогуливал уроки.

Ли Тан нашел все это довольно озадачивающим.

— Так почему же вы оба так глубоко задумались в последнее время, что даже плакали...

Ли Цычу сунул горсть чипсов в рот Ли Тану.

— Не нужно заикливаться на прошлом.

Ли Тану удалось прожевать и проглотить чипсы, вернув себе контроль над разговором.

— Так ты так и не отрастил длинные волосы?

— Следующей весной.

— Итак, как далеко вы зашли?

Ли Цычу чуть не подавился чипсом.

— Что значит «как далеко»?

Ли Тан закатил глаза.

— Ты лучше притворяешься тупицей.

— Кто сказал, что я притворяюсь глупым?

— Хо Сичэнь... подожди, не меняй тему.

— Тсс, ты становишься умнее, — Ли Цзычу прищурился. — Как тебе в голову пришло спросить об этом? Это же не Цзян Лу... хм, он что-то сделал?

Не нужно было гадать, и было ясно, что болтун Хо Сичэнь рассказал Ли Цзычу о Ли Тане и Цзян Лу.

На этом этапе все четверо достигли такого уровня честности, что между ними больше ничего не скрывалось.

Но для такого застенчивого человека, как Ли Тан, такие вещи были слишком постыдными, чтобы признаться, поэтому он переложил вину на другого.

— Хо Сичэнь первым спросил меня.

Ли Цзычу сначала опешил, а потом расхохотался.

— О чем этот парень размышлял за моей спиной? Надо было просто спросить меня напрямую.

Итак, Ли Тан напрямую обратился к Ли Цзычу, и тот, как и ожидалось, поделился всем, что знал по этому вопросу.

Видя восторженное выражение лица Ли Тана, он уже достал телефон и открыл сайт, чтобы сравнить товары. Ли Цзычу напомнил ему:

— Разве Цзян Лу не должен изучить этот вопрос и подготовиться к нему? Зачем ты это делаешь?

— Это не имеет значения, — сказал Ли Тан.

С тех пор, как он начал встречаться с Цзян Лу, Ли Тан проявлял инициативу: искал его, приглашал, ходил к нему домой, поехал с ним в один зимний лагерь. Ли Тан не возражал; в конце концов, он первым влюбился в Цзян Лу. Его привязанность, как по продолжительности, так и по глубине, превосходила ту, что испытывал к нему Цзян Лу.

Но его это не волновало.

Отправив в рот еще одну конфету, Ли Тан подумал, что ему придется наслаждаться этой

сладостью, этой неповторимой привязанностью как можно дольше.

К трем часам дня, на полпути к вершине горы, группа остановилась отдохнуть на площадке.

С приближением лунного Нового года туристов на горе было немного. Студенты заполнили тихую платформу, суетясь с теми, кто шел в туалет, искал еду и фотографировался. Смех и щебетание птиц разносились по долине.

Сфотографировавшись с подругами, Су Циньхань разыскала Ли Тана, чтобы сфотографироваться вместе. Ли Тан попытался увернуться, сказав:

— Я плохо выхожу на фотографиях.

Су Циньхань закатила глаза.

— Да твое лицо меньше моей ладони. Как это не фотогеничен?

Он неохотно позволил сделать несколько снимков. Су Циньхань принесла с собой фотоаппарат мгновенной печати, и на проявленных снимках Ли Тан выглядел либо растерянным, либо кричал о помощи.

Тем временем Цзян Лу сидел у перил на скале — воплощение одиночества. Сегодня он был одет в черное, и горный ветер трепал его короткие черные волосы, открывая лицо, созданное самой природой — прекрасное, но излучающее одиночество. Возможно, это было следствием его врожденной меланхолии.

Ли Тан сомневался, что Цзян Лу не замечает направленных на него взглядов и украдкой щелкающих камер, запечатлевших его. Он казался невозмутимым, сидел тихо и словно превращался в захватывающую дух картину, приковывая к себе всеобщее внимание.

Ли Тан внезапно пожалел, что держался на расстоянии от Цзян Лу на публике.

Он осознал, какой он мелочный, расстраиваясь, когда другие разглядывали его парня.

Хуже того, кто-то подошел к нему. Ли Тан наблюдал, как девочка из 2-го класса, которую толкали вперед ее хихикающие подружки, робко разглаживая волосы, села рядом с Цзян Лу.

— Ты один? — спросила девушка.

Цзян Лу обернулся на звук ее голоса, взглянул на нее и снова ответил:

— Да.

— Ты помнишь меня?

— Да, Ван Янь.

Ван Янь была ученицей из соседнего класса, которая призналась Цзян Лу в любви в начале второго года обучения, а позже позвонила и сказала, что он ей искренне нравится.

Цзян Лу вспомнил: во время спортивного фестиваля она дала ему воды.

Он не ответил, и атмосфера повисла в некоторой неловкости. Ван Янь подняла другую тему:

— Я не ожидала, что ты примешь участие в зимнем лагере. В прошлом году ты не ездил.

— Хм.

— Поэтому с тех пор, как я увидела, как ты садишься в автобус, я гадала, зачем ты присоединился на этот раз, ради кого-то или... но я ни с кем тебя не видела.

Ван Янь намеренно оставила предложение незаконченным, наблюдая за реакцией Цзян Лу.

Однако Цзян Лу не проявил никакой заметной реакции.

Он лишь слабо улыбнулся.

Ли Тану эта сцена показалась гармоничной, почти веселой.

Он инстинктивно почесал руки, пытаясь противостоять этому нездоровому самобичеванию. Он развернул три конфеты и сунул их в рот, пытаясь унять нарастающую тревогу.

К счастью, они собирались продолжить свой путь, и Чжоу Дунцзе догнал группу, прихватив с собой значительное количество «припасов».

Ли Цзычу, уплетая сладости, которые принес ему Чжоу Дунцзе, жаловался во время еды:

— Лао Чжоу, ты даже не представляешь, какой скупой Ли Тан. Он даже конфетку не даст попробовать.

Чжоу Дунцзе ничуть не удивился, продолжая мягко улыбаться.

— Если это что-то, что мне действительно нравится, я бы тоже не отдал.

Вторая половина пути оказалась более сложной.

По мере того, как уклон становился круче, каменные ступени становились все круче. Для учеников, не привыкших к пешим походам, были участки, где для восхождения на скалы требовалась помощь — подталкивание снизу или подтягивание сверху.

К счастью, благодаря крепкому телосложению Чжоу Дунцзе, все оказалось проще. Он первым взбирался наверх, а затем подтягивал остальных, а те, кто стоял позади, подталкивали друг друга вперед.

Ли Тан хотел дождаться Цзян Лу, намереваясь отступить в конец, но тот не последовал за ним. Обернувшись, он смутно увидел, что Цзян Лу все еще идет с той девушкой, по-видимому, увлеченно беседуя.

Школьники, шедшие впереди, уже двинулись дальше, и Чжоу Дунцзе крикнул сверху:

— Возьми меня за руку.

Несмотря на колебания, Ли Тан взял протянутую руку Чжоу Дунцзе.

Однако, поскольку позади не было никого, кто мог бы ему помочь, он полагался исключительно на себя, ступив одной ногой на каменную ступеньку и оттолкнувшись другой ногой от каменной стены.

Неожиданно камень оказался скользким, покрытый мхом. Нога Ли Тана поскользнулась, и его тело повисло в воздухе, прежде чем рухнуть вниз. Другая нога не выдержала, и он рухнул, с глухим стуком ударившись коленом о край ступеньки.

Такой переполох, естественно, встревожил окружающих учеников и даже сопровождавших их учителей, которые поспешили к ним. Вместе они помогли Чжоу Дунцзе поднять Ли Тана.

Хотя скала была не очень высокой и падение не было смертельным, Ли Тан все равно был потрясен.

Когда Ли Тана спросили, все ли с ним в порядке, он поспешно ответил утвердительно. Однако, когда он встал, острая боль пронзила колено и макушку.

Боясь показаться слабым, Ли Тан сделал вид, что ничего не произошло, и прошел довольно большое расстояние по горной тропе.

Наконец, Чжоу Дунцзе заметил его бледность и некоторое время поддерживал его. Подойдя к вершине, он пошел вперед, чтобы сообщить учителю, и повел Ли Тана в ближайшую клинику.

В отличие от подножия горы, так называемая клиника представляла собой полусарай, в котором дежурил только молодой врач.

К счастью, судя по движениям ноги Ли Тана, врач определил, что перелома нет, а лишь ссадина и легкий отек. Обработав рану дезинфицирующим средством и выписав антибиотики, врач ушел на ужин.

Обработав рану, Ли Тан поспешно встал, но Чжоу Дунцзе убедил его посидеть еще немного.

— Я уже сообщил учителю. Сегодня вечером никаких мероприятий не запланировано, так что спешить некуда.

Ли Тан снова сел, потирая колено через повязку, морщась от боли, но все же находя в ситуации юмор.

— Похоже, моему колену не везет в Сюйчэне и его окрестностях.

Вспомнив предыдущий инцидент на игровой площадке, когда Ли Тан тоже повредил колено, Чжоу Дунцзе не смог сдержать горькой улыбки.

— На этот раз я виноват, что не успел тебя вовремя подтянуть.

— Это была моя собственная ошибка. Как это может быть твоей виной? — ответил Ли Тан.

Чжоу Дунцзе покачал головой.

— Ты не очень хорош в спорте. По крайней мере, тебе стоило подняться первым.

Ли Тан содрогнулся при этой мысли.

— Я был благодарен, что позади меня никого не было; иначе наступить на кого-нибудь было бы катастрофой.

Затем он настоятельно рекомендовал Чжоу Дунцзе идти.

— Возвращайся первыми. Не пропусти ужин. Обед сегодня был восхитительным; в этот раз школа действительно не пожалела денег.

Чжоу Дунцзе вздохнул:

— Ты так боишься причинить другим неудобства?

— Нет, — рефлекторно защищался Ли Тан. — В этом нет необходимости. Эта небольшая травма, я могу немного посидеть здесь один...

— Понимаю, — вдруг сказал Чжоу Дунцзе. — Ты просто боишься обременять других. Ты просто слишком добр.

Ли Тан поднял взгляд и встретился с проницательным взглядом Чжоу Дунцзе, в котором, казалось, таились иные эмоции.

Сердце сжалось. Ли Тан лихорадочно размышлял, стоит ли сменить тему или подтвердить свою позицию. Не покажется ли это слишком надуманным?

К счастью, в этот момент дверь клиники открылась, и оба находившихся внутри повернулись к входу.

Ожидая возвращения доктора, они были удивлены, увидев вместо него Цзян Лу.

Он поставил пластиковый контейнер с едой на стол и сел в кресло врача.

Его взгляд скользнул по Ли Тану и остановился на Чжоу Дунцзе, стоявшем рядом с ним.

— Я не знал, что ты здесь, — буднично заявил Цзян Лу. — Я принес только одну порцию.

После того, как Чжоу Дунцзе ушел, Цзян Лу подошел к Ли Тану, чтобы осмотреть его рану, но Ли Тан увернулся.

Ли Тан настороженно выглянул в окно.

— Не... вдруг кто-нибудь увидит.

И без того спокойные глаза Цзян Лу стали еще холоднее.

Тихим голосом он спросил:

— Почему он может к тебе прикоснуться, а я нет?

Ли Тан опешил.

— ...Что?

— Почему ты сказал мне не подходить к тебе слишком близко на людях, а он может? Потому что у него есть к тебе чувства, и тебе нравится, когда он о тебе заботится? — Тон Цзян Лу стал ледяным. — Вот почему?

Услышав эти слова, Ли Тан на мгновение растерялся, не зная, что ответить; его глаза расширились, и он резко вздохнул.

Он изо всех сил старался сохранять самообладание, намеренно замедляя речь.

— Чжоу Дунцзе здесь, потому что он первым заметил мою травму. За минуту до того, как ты вошел, я уговаривал его вернуться к ужину.

— По твоим меркам, я получаю удовольствие от того, что он обо мне заботится? Тогда как насчет тебя, быть окруженным девушками, когда они к тебе подходят, тебе это разве не нравится, учитывая, что ты никогда их не отвергаешь?

Ли Тан замолчал, глубоко вздохнув.

— И ты отказался носить одежду, которую я тебе подарил, а теперь говоришь, что я не подпускал тебя слишком близко... Кто в последние месяцы делал мне знаки внимания, льнул, как влюбленный щенок? Кто был равнодушен, обращался со мной как с домашним любимцем, улыбался и гладил, когда был счастлив, игнорировал звонки и исчезал, когда не был? Оставляя меня в тревоге, гадать о чем ты думаешь...

К концу его контроль ослабел и стал граничить с обвинениями.

— Как ты можешь такое говорить? — у Ли Тана перехватило дыхание. — ...Ты вообще понимаешь, что говоришь?

Только сейчас Ли Тан осознал, что в этих отношениях он не был таким уж неприятным и равнодушным, как ему казалось. Он почувствовал себя обиженным двусмысленным отношением Цзян Лу, отсутствием простого признания в любви.

Также возникали противоречивые чувства: несмотря на желание сохранять дистанцию, когда он падал на игровой площадке или травмировался на краю обрыва, он все еще надеялся, что Цзян Лу примчится к нему, желая увидеть в его глазах беспокойство, а не нынешнюю

холодную отстраненность, даже во время допроса.

А Цзян Лу, словно проснувшись от сильного удара по голове, спросил себя:

— Что ты сказал?

«Что со мной? Постоянно веду себя как ревнивый влюбленный, говорю такие резкие и абсурдные слова, разве это действительно было частью изначального плана?»

Раньше, когда Ван Янь спросила: «С кем ты пришел?» он почувствовал, будто ему на голову вылили ушат холодной воды. В любых отношениях чрезмерная заинтересованность, почти раболепное поведение — опасный признак.

Когда он начал обращать внимание на каждое выражение лица и действие, заботиться о настроении другого?

Услышав, что Ли Тан пострадал, он первым делом бросился на его поиски. Он даже ругал свой слабый слух за то, что не уловив шума во время инцидента.

Однако, по иронии судьбы, девять лет назад у него было повреждено левое ухо, в результате чего он потерял слух. Когда его срочно доставили в больницу, лежа в одиночестве на операционном столе, его опекун, его мать, сопровождала его дорогого младшего брата играющего на фортепиано, человека перед ним, того, кто сделал его сиротой.

Вечером гора была окутана густым туманом, видимость уменьшалась с каждой секундой по мере того, как солнечные лучи постепенно исчезали.

Оставив Цзян Лу чувствовать себя потерянным в тумане.

Он не мог точно определить, когда попал в ловушку, постепенно забывая о своих первоначальных намерениях.

Единственной определенностью был его страх перед опасностью и отвращение к неконтролируемым ситуациям.

Напряженная атмосфера сохранялась до тех пор, пока Цзян Лу не убрал руку, и время не возобновило свой ход.

— Раз это так больно, давай тогда расстанемся.

Он не ответил на вопрос Ли Тана, а вместо этого сделал вывод, и его голос был холоден, как

лед на замерзшем озере:

— Больше никаких претензий. Мы можем вернуться к по-настоящему отстраненным отношениям.

<http://bllate.org/book/13923/1226785>